

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

Сборники произведений
Виктории Токаревой
в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать — не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины

Виктория Токарева

Антон, надень ботинки!

Повесть, рассказы, пьеса

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43
Т51

Токарева В.

Т51 Антон, надень ботинки! : Повесть, рассказы, пьеса. — СПб. : Азбука, Азбука-Литткус, 2016. — 288 с.
ISBN 978-5-389-08803-0

«Лена и Елизеев прошли мимо. Обернулись. Снова подбежала девушка, тянула пальцы к его лицу. Он стоял боком, ослепший от протеста. Они не могли помириться, потому что были молоды. Они хотели развернуть жизнь в свою сторону, а она не разворачивалась. Торчала углами. Тогда Антон бросает вызов: если жизнь с ним не считается, то и он не будет считаться с ней. И — боком по снегу. Кто кого».

В. Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-08803-0

© Токарева В. С., 1995

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Литткус», 2016
Издательство АЗБУКА®

лавина
повесть

Пианист Месяцев Игорь Николаевич сидел в самолете и смотрел в окошко. Он возвращался с гастролей по Германии, которые заняли у него весь ноябрь.

Месяцев боялся летать. Каждый раз, когда слышал об авиакатастрофе или видел на телевизионном экране рухнувший самолет, он цепенел и неестественно сосредотачивался. Знакомый психоаналитик сказал, что это нормально. Инстинкт самосохранения. Только у больных людей этот инстинкт нарушен, и они стремятся к самоликвидации. Смерть их манит. Здоровый человек хочет жить и боится смерти.

Месяцев хотел жить. Хотел работать. Для него это — одно.

До восьмидесят четвертого года, до перестройки, приходилось ездить с гастролями

в медвежьи углы, по огородам, играть на расстроенных роялях в клубах, где сидели девки с солдатами, дремали пьяные бомжи. Сейчас Месяцев играл на лучших роялях мира. И в лучших залах. Но кому бы он ни играл — бомжам или немцам, — он неизменно играл для себя. И это спасало.

Немецкие города были аккуратные, маленькие, как декорации к сказкам братьев Гримм.

Принимали хорошо, кормили изысканно. Однажды на приеме у бургомистра Месяцев ел нечто и не мог понять, что именно. Спросил у переводчицы Петры:

— Чье это мясо?

— Это такой американский мужчина, который весной делает р-р-ру-у...

— Тетерев, — догадался Игорь.

— Вот-вот... — согласилась переводчица.

— Не мужчина, а птица, — поправил Месяцев.

— Но вы же поняли...

Петра мило улыбнулась. Она была маленькая и тощенькая, как рыбка килька. И такие же, как у рыбки, большие, чуть-чуть подвыпученные глаза. Игорь не влюбился. А она ждала. Он видел, что она ждет. Но не влюбился. Он вообще не влюблялся в женщин. Он любил свою семью.

Семья — жена. Он мог работать в ее присутствии. Не мешала. Не ощущалась, как не ощущается свежий воздух. Дышишь, и все.

Дочь. Он любил по утрам пить с ней кофе. Она сидела, закинув ногу за ногу, с сигаретой, красивая с самого утра. Сигарета длинная, ноги длинные, волосы длинные, и нежная привязанность, идущая из глубины жизни. Зачем какие-то любовницы — чужие и случайные, когда так хорошо и прочно в доме?

Сын Алик — это особая тема. Главная болевая точка. Они яростно любили друг друга и яростно мучили. Все душевные силы, оставшиеся от музыки, уходили на сына.

Месяцев смотрел в окошко самолета. Внизу облака, а сквозь них просматривается бок земли. Говорят, если самолет раскаляется в воздухе, люди высыпаются в минус пятьдесят градусов и воздушные потоки срывают с них одежду, они летят голые, окоченевшие и мертвые скорее всего. Но зачем об этом думать?.. Знакомый психиатр советовал переключаться. Думать о чем-то приятном.

О жене например. Они знали друг друга с тринадцати лет. С седьмого класса музыкальной школы. Первый раз поцеловались в четырнадцать. А в восемнадцать поженились и родили девочку Аню. Но настоящей его женой была музыка. Игорь Месяцев в ней растворялся, он ее совершенствовал, он ей ПРИНАДЛЕЖАЛ. А жена принадлежала семье.

После окончания консерватории жена пошла преподавать. Имела частные уроки, чтобы заработать. Чтобы Месяцев мог ни о чем не думать, а только растворяться и расти. Рос он долго, может быть, лет пятнадцать или даже восемнадцать. А есть надо было каждый день.

Жена не жаловалась. Наоборот. Она выражала себя через самоотречение. Любовь к близким — вот ее талант. После близких шли дальние — ученики. После учеников — все остальное. Она любила людей.

Внешне жена менялась мало. Она всегда была невысокая, плотненькая, он шутя называл ее «играющая табуретка». Она и сейчас была табуретка — с гладким, миловидным лицом, сохранившим наивное выражение детства. Этакий переросший ребенок.

Игорь Месяцев не задумывался о своем отношении к жене. Но, когда уезжал надолго, начинал тосковать, почти болеть. И подарки покупал самые дорогие. В этот раз он купил ей шубу из норки.

В сорок восемь лет жена получила свою первую шубу. Поздно, конечно. Но лучше поздно, чем никогда.

Дочери он вез вечерний туалет. Ее так приятно было украшать. Сыну — все с головы до ног, на все четыре времени года.

Сын рос совершенно иначе, чем дочь. У дочери все складывалось нормально, как

в учебнике. Сын — как в кошмарном сне. В детстве постоянно болел, то одним, то другим. Школу ненавидел. Может, виновата совковая школа. А может — сам Алик.

Наконец школа позади. Впереди армия. Армия и Алик — две вещи несовместимые. Армия — машина подчинения. Алик — человек-противостояние. Машина сильнее человека. Все кончится для Алика военным трибуналом. Его посадят в тюрьму. А в тюрьме изнасилуют всем бараком.

Значит, надо положить в больницу, купить диагноз «шизофрения» и получить белый билет. Шизофреники от армии освобождаются. Психически неполноценные не должны иметь в руках оружие.

Жена куда-то ходила, договаривалась.

Дочь выросла практически бескровно. А на сына утекали реки денег, здоровья, километры нервов. А что в итоге? Ничего. Сам сын. Красивый и любимый до холодка под ложечкой. Это любовь, пропущенная через страдания и обогащенная страданием. Любовь-испытание, как будто тебя протаскивают сквозь колючую проволоку и едва не убивают. Но не убивают.

Вот такие разные: жена с ее возвышенным рабством, дочь — праздник, сын — инквизиторский костер, теща — объективная, как термометр, — все они — маленькие планеты —

вращались вокруг него, как вокруг Солнца. Брали свет и тепло.

Он был нужен им. А они — ему. Потому что было кому ДАВАТЬ. Скучно жить только для себя одного. Трагедия одиночества — в невозможности отдачи.

Игорь уезжал с одним чемоданчиком, а возвращался с багажом из пяти мест. В эти чемоданы и коробки был заключен весь гонорар, заработанный за ноябрь, а если точнее — за всю прошлую жизнь. Труд пианиста — сладкая каторга, которая начинается в шесть лет и до бесконечности. Все детство, отрочество, юность и зрелость — это клавиши, пальцы и душа. Так что, если разобраться, на тележке, которую катил перед собой Месяцев, проходя таможенный досмотр, лежали его детство, молодость и зрелость.

Встречали дочь и жених Юра.

Дочь не бросилась на шею. Она была простужена, немножко бледна, шмыгала носиком и сказала в никуда:

— Ко мне папочка приехал..

А когда садились в машину — еще раз, громче, как бы не веря:

— Ко мне папочка приехал..

Месяцев понял, что жених женихом, а отца ей не хватает. Отец заботится и ничего не требует. А жених не заботится и весь в претензиях.

Юра сел за руль. Был мрачноват. Месяцев заметил, что из трехсот шестидесяти дней в году триста — у него плохое настроение. Характер пасмурный. И его красавица дочь постоянно существует в пасмурном климате. Как в Лондоне. Или в Воркуте.

Москва после немецких городов казалась необъятно большой, неудобной, неряшливой. Сплошные «не». Однако везде звучала русская речь, и это оказалось самым важным.

Языковая среда. Без языка человек теряет восемьдесят процентов своей индивидуальности. Казалось бы, зачем музыканту речь? У него своя речь — музыка. Но, оказывается, глухим мог работать только Бетховен. Так что зря старалась Петра, лучилась своими золотыми глазками, зря надеялась. Домой-домой, к жене-табуретке, к Москве с ее безобразиями, к своему языку, которого не замечаешь, когда в нем живешь.

Месяцев ожидал, что сын обрадуется, начнет подсказывать на месте. Он именно так выражал свою радость: подсказывал. И жена всплеснет ручками. А потом все выстроится вокруг чемоданов. Замрут, как столбики, и будут смотреть, не отрываясь, в одну точку. И каждый получит свой пакет. И начнутся примерки, гомон, весенний щебет и суэта. А он будет стоять над всем этим, как царь зверей.

Однако жена открыла дверь со смущенным лицом. Сын тоже стоял тихонький. А в комнате сидел сосед по лестничной клетке Миша и смотрел растерянно. Месяцев понял: что-то случилось.

— Татьяна умерла, — проговорила жена.

— Я только что вошел к ней за сигаретами, а она сидит на стуле мертвая, — сказал Миша.

Татьяна — соседка по лестничной клетке. Они вместе въехали в этот дом двадцать лет назад. И все двадцать лет соседствовали. Месяцев сообразил: когда они с багажом загружались в лифт, в этот момент Миша вошел к Татьяне за сигаретами и увидел ее мертвой. И, ушибленный этим зрелищем, кинулся к ближайшим соседям сообщить. Радоваться и обниматься на этом фоне было некорректно. И надо же было появиться Мише именно в эту минуту...

— Да.. — проговорил Месяцев.

— Как ужасно, — отозвалась дочь.

— А как это случилось? — удивился Юра.

— Пила, — сдержанно объяснил Миша. — У нее запой продолжался месяц.

— Сердце не выдержало, — вздохнула жена. — Я ей говорила..

Татьяне было сорок лет. Начала пить в двадцать. Казалось, она заложила в свой компьютер программу: самоликвидация.

И выполнила эту программу. И сейчас сидела за стеной мертвая, с серым спокойным лицом.

— Надо ее матери позвонить, — сказал Миша, поднимаясь.

— Только не от нас, — испугался Алик.

— Ужас... — выдохнула жена.

Миша ушел. За ним закрыли дверь и почему-то открыли окна. Настроение было испорчено, но чемоданы высились посреди прихожей и звали к жизни. Не просто к жизни, а к ее празднику.

Все в молчании выстроились в прихожей. Месяцев стал открывать чемоданы и вытаскивать красивые пакеты.

Жена при виде шубы остолбенела, и было так мило видеть ее шок счастья. Месяцев накинул ей на плечи драгоценные меха. Широкая длинная шуба не соответствовала росту. Жена была похожа на генерала Гражданской войны в бурке.

Дочь скинула джинсы, влезла в маленькое платье с голой спиной и стала крутиться перед зеркалом. Для того чтобы увидеть со спины, она стала боком и изогнулась вокруг себя так ловко и грациозно, что Месяцев озадачился: как они с женой со своими скромными внешними возможностями запустили в мир такую красоту? Это не меньше, чем исполнительская деятельность.

Постепенно отвлеклись от соседки Татьяны. Переключились на свое. На радость встречи. Папочка приехал...

Жена накрыла на стол. Месяцев достал клубничный торт, купленный в аэропорту в последние минуты. Резали большими ломтями, чтобы каждому досталось много. Это входило в традиции семьи: когда вкусно, надо, чтобы было много.

Чужое горе, как это ни жестоко, оттеняло их благополучие.

И вдруг раздался вой. Значит, пришла мать Татьяны, которой позвонил Миша. Кухня размещалась далеко от лестничной клетки, но вой проникал через все стены. Он был похож на звериный, и становилось очевидно, что человек — тоже зверь.

Семья перестала жевать. У жены на глазах выступили слезы.

— Может быть, к ней зайти? — спросила дочь.

— Я боюсь, — отозвался Юра.

— А чем мы можем помочь? — спросил Алик.

Все остались на месте.

Чай остыл. Пришлось ставить новый.

Вой тем временем прекратился. Должно быть, мать увели.

— Ну, я пойду, — сказал Юра.

Его неприятно сковывала близость покойника.

— Я тоже пойду, — поднялся сын.

У него за стенами дома текла какая-то своя жизнь.

Дочь пошла проводить жениха до машины. И застряла.

Месяцев принял душ и прилег отдохнуть. И неожиданно заснул.

А когда открыл глаза — было пять утра. За окном серая мгла. В Германии это было бы три часа. Месяцев стал ждать, когда уснет снова, но не получалось.

Совсем некстати вспомнил, как однажды, двадцать лет назад, он вошел в лифт вместе с Татьяной. На ней была короткая юбка, открывающая ноги полностью: от стоп в туфельках до того места, где две ноги, как две реки, сливаются в устье. Жена никогда не носила таких юбок. У нее не было таких ног.

Месяцева окатило странное желание: ему захотелось положить руки Татьяне на горло и войти в ее устье. Ему хотелось насиловать и душить одновременно, и чтобы его оргазм совпал с ее смертной agonией. Они вместе содрогнулись бы в общем адском содрогании. Потом он разжал бы руки, и она упала бы замертво. А он бы вышел из лифта как ни в чем не бывало.

Они вышли из лифта вместе. Месяцев направился в одну сторону, Татьяна — в другую. Но недавнее наваждение заставило его остановиться и вытереть холодный пот со лба.

Месяцев испугался и в тот же день отправился к психиатру.

— Это ничего страшного, — сказал лысый психиатр. — Такое состояние называется «хульные мысли». От слова «хула». Они посещают каждого человека. Особенно сдержанного. Особенно тех, кто себя сексуально ограничивает. Держит в руках. Хульные мысли — своего рода разрядка. Человек в воображении прокручивает то, чего не может позволить себе в жизни...

Месяцев успокоился. И забыл. Татьяну он встречал время от времени — и в лифте, и во дворе. Она очень скоро стала спиваться, теряла товарный вид и уже в тридцать выглядела на пятьдесят. Организм злопамятен. Ничего не прощает.

Сейчас, проснувшись среди ночи, Месяцев вспомнил ее ноги и подумал: по каким тропам идет сейчас Татьяна и что она видит вокруг себя — какие видения и ландшафты? И может быть, то, что она видит, — гораздо существеннее и прекраснее того, что видит он вокруг себя...

Утром Месяцев тяжело молчал.

— Тебе надо подумать о новой программе, — подсказала жена.

Месяцев посмотрел на жену. Она не любила переодеваться по утрам и по полдня ходила в ночной рубашке.

— Еще одна программа. Потом еще одна.
А жить?

— Это и есть жизнь, — удивилась жена. —
Птица летает, рыба плавает, а ты играешь.

— Птица летает и ловит мошек. Рыба плавает
и ищет корм. А я играю, как на вокзале, и мне
кладут в шапку.

Было такое время в жизни Месяцева.
Сорок лет назад. Отец-алкоголик брал его
на вокзал, надевал лямки аккордеона и за-
ставлял играть. Аккордеон был ему от под-
бородка до колен — перламутровый, вы-
везенный из Германии, военный трофей.
Восьмилетний Игорь играл. А в шапку бро-
сали деньги...

— Ты просто устал, — догадалась жена. —
Тебе надо отдохнуть. Сделать перерыв.

— Как отдохнуть? Сесть и ничего не делать?

— Поменяй обстановку. Поезжай на юг. Бу-
дешь плавать в любую погоду.

— Там война, — напомнил Месяцев.

— В Дом композиторов.

— Там композиторы.

— Ну, под Москву куда-нибудь. В санаторий.

Ему было все равно. Его как будто накрыло
одеялом равнодушия. Видимо, соседка Тать-
яна второй раз включила его в нетрадицион-
ное состояние. Первый раз — своим цветен-
нием, а второй раз — своей гибелью. Хотя
при чем здесь Татьяна... Просто он бежит, бе-

жит как белка в колесе. Играет, играет, перебирает звуки. А колесо все вертится, вертится.

А зачем? Чтобы купить жене шубу, которая на ней как на корове седло.

Через неделю Месяцев жил в санатории.

Санаторный врач назначил бассейн, массаж и кислородные коктейли.

Месяцев погружался в воду, пахнущую хлоркой, и говорил себе: «Я сильный и молодой. Я вас всех к ногтю!» Кого всех? На этот вопрос он бы не мог ответить. У Месяцева не было врагов. Его единственные враги — лишний вес и возраст. Лишние десять лет и десять килограммов. Сейчас ему сорок восемь. А тридцать восемь — лучше. Сын был маленький и говорил, куда уходит. Дочь была маленькая, и ее не обнимал чужой сумрачный Юра. Он сам был бы молодой и меньше уставал. А жена... Месяцев не видел разницы. Жена как-то не менялась. Табуретка — устойчивая конструкция.

Месяцев врезался в воду и плыл стилем, сильно выкидывая из воды гладкое круглое тело. Он делал три заплыва — туда и назад. Потом вставал под горячий душ, испытывая мышечную радость, которая не меньше, чем радость душевная, чем радость от прекрасных созвучий. Однако зачем сравнивать: что лучше, что хуже? Должно быть то и другое.

Гармония. Он загнал, запустил свое тело сидячим образом жизни, нагрузкой на позвоночник, отсутствием спорта. И в сорок восемь лет — тюфяк тюфяком. Вот Билл Клинтон — занят не меньше. А находит время для диет и для спорта.

Массажист нажимал на позвонки, они отзывались болью, как бы жаловались. Массажист — сильный мужик, свивал Месяцева в узел, дергал, выкручивал голову. Было страшно и больно. Зато потом тело наливалось легкостью и позвоночник тянул вверх, в небо. Хорошо! «Какой же я был дурак!» — говорил себе Месяцев, имея в виду свое фанатичное пребывание за роялем, будто его приговорили высшим судом.

Но прошли две недели, и Месяцев стал коситься в сторону черного рояля, стоящего в актовом зале.

А когда однажды подошел и поднял крышку, у него задрожали руки... Конечно, птица летает, ищет корм.

Но птица и поет. А без этого она не птица, а летучая мышь.

Телефон-автомат располагался под лестничным маршем. Была поставлена специальная кабина со стеклянной дверью, чтобы изолировать звук. Обычно собиралась небольшая очередь, человека три-четыре. Но три-четыре человека — это почти час времени. Однако

Месяцев запасался жетонами и запасался терпением. Ему необходимо было слышать голос жены. Этот голос как бы подтверждал сложившийся миропорядок, а именно: Земля крутится вокруг своей оси, на Солнце поддерживается нужная температура.

Трубку снял сын.

— Мама на работе, — торопливо сказал сын.

— Ты не один? — догадался Месяцев.

— Мы с Андреем.

Андрей — школьный друг. Из хорошей семьи. Все в порядке.

— Чем вы занимаетесь? — поинтересовался Месяцев.

— Смотрим видак. А что?

По торопливому «а что?» Месяцев догадался, что смотрят они не «Броненосец «Потемкин».

— Новости есть?

— Нет, — сразу ответил сын.

— Ты в больницу ложишься?

— Завтра.

— Что же ты молчал?

— А что тут такого? Лягу, выйду... Андрей лежал, и ничего. Даже интересно.

— Андрею все интересно...

Месяцев расстроился. Запереть мальчика в сумасшедший дом...

Помолчали. Алик ждал. Месяцев чувствовал, что он ему мешает.

— А я соскучился, — вдруг пожаловался отец.

— Ага, — сказал сын. — Пока.

Месяцев положил трубку. Разговаривать было бессмысленно.

Он вдруг вспомнил, как его сын Алик осквернял праздничные столы. Когда стол был накрыт и ждал гостей, Алик входил и поедал украшения, выковыривал цукаты из торта. Он заносил руку и, как журавль, вытаскивал то, что ему нравилось. Дочь, наоборот, подходила и добавляла что-то от себя, ставила цветы. Вот тебе двое детей в одной семье.

«Отдать бы его в армию, — подумал Месяцев, — там бы ему вставили мозги на место. Его мало били. Пусть государство откорректирует...»

Месяцев ощущал смешанное чувство ненависти, беспомощности и боли. И сквозь этот металлолом особенно незащищенно тянулся росток, вернее, ствол его любви. Как будто содрали кожу и ствол голый.

— Кто там? — спросил Андрей.

— Предок...

Алик вернулся к Андрею. Андрей уже приготовил все, что надо. Алик не умел сам себе вколоть. Не мог найти вену.

— Привыкнешь... — пообещал Андрей.

Андрей помог Алику. И себе тоже вколел. Сгиб его руки был весь в точках.

- Они откинулись на диван и стали ждать.
— Ну как? — спросил Андрей.
— Потолок побежал, — сказал Алик.
Потолок бежал быстрее, мерцая белизной.
Приближалось нужное состояние.

Поговорив с сыном, Месяцев решил дозвониться жене на работу.

Номер был занят. Жена с кем-то разговаривала. Она любила трепаться по телефону и буквально купалась в своем голосовом журчанье. Как бывший президент Горбачев.

Месяцев хотел набрать еще раз, но возле телефона стояла женщина и ждала. Ее лицо буквально переливалось от нетерпения. Месяцев не любил заставлять ждать, причинять собой неудобства. Он вышел из кабины, уступая место, продолжая думать о Горбачеве.

Месяцев испытывал к бывшему президенту теплые чувства, однако, когда в последний раз слушал интервью с ним, его речевое кружение, понял, что время Горбачева ушло безвозвратно. На то, что можно сказать за четыре секунды, бывший президент тратил полчаса. Привычка коммуниста: говорить много и ничего не сказать.

Женщина, которую он пропустил, высунулась из кабины и спросила:

- Вы не дадите мне жетон? В долг. У меня прервалось...

У Месяцева был всего один жетон. Он растерянно посмотрел на женщину. Она ждала, шумно дышала, и казалось: сейчас заплачет. Видимо, прервавшийся разговор имел отношение ко всей ее будущей жизни.

Месяцев протянул жетон.

Оставаться было бессмысленно. Месяцев отошел от автомата. Направился в кинозал.

Перед кинозалом продавали билеты. Деньги принимал довольно интеллигентный мужчина инженерского вида. Видимо, не нашел себя в новых условиях и пошел продавать билеты.

— У вас нет жетонов для автомата? — спросил Месяцев.

— Все забрали, — виновато улыбнулся продавец. — Вот, посмотрите...

Это «посмотрите» и виноватая улыбка еще раз убедили Месяцева в несоответствии человека и места. Стало немножко грустно.

Он купил билет в кино.

Шел американский боевик. Гангстеры и полицейские вели разборки, убивали друг друга равнодушно и виртуозно. Стрельнул, убил и пошел себе по своим делам. Жизнь ничего не стоит.

«Неужели и русские к этому придут? — с ужасом думал Месяцев. — Неужели демократия и преступность — два конца одной палки? Если личность свободна, она свободна для всего...»

Фильм кончился благополучно для главного героя. Американский хеппи-энд. В отличие от русского мазохизма. Русские обязательно должны уконтропупить своего героя, а потом над ним рыдать. Очищение через слезы.

Месяцев вышел из кинозала и увидел женщину.

— Я забрала у вас последний жетон? — виновато спросила она.

— Ничего страшного, — великодушно отреагировал Месяцев.

— Нет-нет, — отказалась она от великодушия. — Я не успокоюсь. Может быть, в буфете есть жетоны?

Они спустились в буфет, но он оказался закрыт.

— Здесь рядом есть торговая палатка, — вспомнила женщина. — Они торгуют до часа ночи.

— Да ладно, — отмахнулся Месяцев. — Это не срочно.

— Нет. Зачем же? — Она независимо посмотрела на Месяцева.

У нее были большие накрашенные глаза и большой накрашенный рот.

«Интересно, — подумал Месяцев, — как она целуется? Вытирает губы или прямо...»

Женщина повернулась и пошла к гардеробу. Месяцев покорно двинулся следом. Они

взяли в гардеробе верхнюю одежду. Месяцев с удивлением заметил, что на ней была черная норковая шуба — точно такая же, как у жены. Тот же мех. Та же модель. Может быть, даже куплена в одном магазине. Но на женщине шуба сидела иначе, чем на жене. Женщина и шуба были созданы друг для друга. Она была молодая, лет тридцати, высокая, тянула на «вамп». Вамп — не его тип. Ему нравились интеллигентные, тихие девочки из хороших семей. И если бы Месяцеву пришла охота влюбиться, он выбрал бы именно такую, без косметики, с чисто вымытым, даже шелушащимся лицом. Такие не лезут. Они покорно ждут. А «вампы» проявляют инициативу, напористы и агрессивны. Вот куда она его ведет? И зачем он за ней следует? Но впереди три пустых часа, таких же, как вчера и позавчера. Пусть будет что-то еще. В конце концов всегда можно остановиться, сказать себе: стоп!

Он легко шел за женщиной. Снег поскрипывал. Плыла луна. Она не надела шапки. Лучшее украшение — это летящие, промытые душистым шампунем, чистые волосы. Но на дворе — вечер, и декабрь, и ничего не видно.

Палатка оказалась открыта. В ней сидели двое: крашеная блондинка и чернявый парень, по виду азербайджанец. Девушка размести-

лась у него на коленях, и чувствовалось, что им обоим не до торговли.

— У вас есть жетоны? — спросила женщина.

— Сто рублей, — отозвалась продавщица.

— А в городе пятьдесят.

— Ну и езжайте в город.

— Бутылку «Адвокат» и на сдачу жетоны, — сказал Месяцев и протянул крупную купюру.

Ради выгодной покупки продавщица поднялась и произвела все нужные операции.

Месяцев взял горсть жетонов и положил себе в карман. А вторую горсть протянул своей спутнице.

— Интересное дело... — растерялась она.

Месяцев молча ссыпал пластмассовые жетоны ей в карман. Неужели она думала, что Месяцев, взрослый мужчина, пианист с мировым именем, как последний крохобор шагает по снегу за своей пластмассовой монеткой?

— И это тоже вам. — Он протянул красивую бутылку.

Женщина стояла в нерешительности.

— А что я буду с ней делать? — спросила она.

— Выпейте.

— Где?

— Можно прямо здесь.

— Тогда вместе.

Месяцев отвинтил пробку. Они пригубили по глотку. Ликер был сладкий, как де-

серт. Стало весело. Как-то забыто, по-студенчески.

Медленно пошли по дорожке.

— Сделаем круг, — предложила женщина.

Моцион перед сном — дело полезное, но смущала ее открытая голова. Он снял с себя шарф и повязал ей на голову. В лунном свете не было видно краски на ресницах и на губах. Она была попроще и получше.

Месяцев сунул бутылку в карман.

— Прольется, — сказала женщина. — Давайте я понесу.

Первая половина декабря. Зима — молодая, красивая. Белые деревья замерли и слушают. Ничего похожего нет ни на Кубе, ни в Израиле. Там только солнце или дожди. И больше ничего.

— Давайте познакомимся, — сказала женщина. — Я Люля.

— Игорь Николаевич.

— Тогда Елена Геннадьевна.

Выскочили две дворняжки и побежали рядом с одинаково поднятыми хвостами. Хвосты покачивались как метрономы: раз-раз, раз-раз.

Елена Геннадьевна подняла бутылку и хлебнула. Протянула Месяцеву. Он тоже хлебнул.

Звезды мерцали, будто подмигивали. Воздух был холодный и чистый. Все вокруг то же

самое, но под другим углом. Прежде размыто, а теперь явственно, наполнено смыслом и радостью, и если бы у Месяцева был хвост, он тоже качался бы, как метроном: раз-раз, раз-раз.

— Можно задать вам вопрос?

— Смотря какой.

— Нескромный.

— Можно.

— Вы когда целуетесь, вытираете помаду или прямо?

— А вы что, никогда не целовали женщину с крашеными губами?

— Никогда, — сознался Месяцев.

— Хотите попробовать? — спросила Елена Геннадьевна.

— Что попробовать? — не понял Месяцев.

Елена Геннадьевна не ответила. Взяла его лицо двумя руками и подвинула к своему. Решила провести практические занятия. Не рассказать, а показать. Его сердце сделало кульбит, как в цирке вокруг перекладкины. Не удержалось, рухнуло, ухнуло и забилось внизу живота. Месяцев обнял ее, прижал, притиснул и погрузился в ее губы, ощущая солоноватый химический привкус, как кровь. И эта кровь заставляла его звереть.

— Не сейчас, — сказала Елена Геннадьевна.

Но Месяцев ничего не мог с собой поделать. Ее большие глаза были неразличимы.

содержание

лавина	
<i>повесть</i>	5
вместо меня	105
антон, надень ботинки!	124
полосатый надувной матрас	173
рождественский рассказ	193
ну и пусть	
<i>пьеса</i>	207

Литературно-художественное издание

токарева
виктория самойловна
АНТОН, НАДЕНЬ БОТИНКИ!

Редактор Д.ГУРЬЯНОВ

Корректоры К.КАРЕВСКАЯ, Т.ФИЛИПОВА

Технический редактор Л.СЕНИЦЫНА

Компьютерная верстка Т.КОРОВЕНКОВОЙ

В оформлении обложки использовано фото

© InMyEye/shutterstock.com

Фото на задней стороне обложки © В.Плотников

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «Азбука»

119334, Москва, 5-й Демоскопский проезд, д. 15, стр. 4

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azбука-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azбука.spb.ru; atticus@azбука.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@mahaon.kiev.ua

www.azбука.ru; www.atticus-group.ru

16+

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Получено в печать 22.01.2016

Формат 75×1080 1/32. Бумага газетная.

Гарнитура «Original Garamond».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,42

Тираж 5000 экз. В-УГ-16814-01-Р. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Борок-1, комплекс № 3А

www.pareto-print.ru